

Сионской»;¹ в «Комическом действии» М. Довгалевского имя Рахили вообще не упоминается. Сцена между Иродом и Смертью, по большинству вариантов драмы о царе Ироде, представляет собою диалог — торг Ирода со Смертью: Ирод сперва просит отсрочки обычно на три года, затем на три месяца, на три дня и, наконец, на три часа. Те варианты драмы, которые не знают этого мотива, очевидно, ближе воспроизводят архетипный текст драмы, так как ни один из известных нам вертепных текстов этого мотива также не знает. «Царь Ирод», нет сомнения, этим мотивом обязан драме о царе Максимилиане, точнее, одному ее эпизоду, а именно сцене между Аникой-воином и Смертью.

Из числа всех известных нам вариантов «Царя Ирода» наиболее тесную связь с вертепной драмой обнаруживает вариант А. Малинки. Эта связь сказывается и в песне хора: «Не плач, Рахыля, дытя твое жыве. . .», песне, неизвестной остальным вариантам, и в отсутствии сцены торга Ирода со Смертью, и в наличии интермедийных сенок с Донским казаком и евреем, цыганом и цыганкой. Связь настолько сильна, что невольно возникает вопрос, не вторичного ли происхождения «Царь Ирод» в записи А. Малинки, не «составлен» ли он действительно солдатом Котляревским на основе какого-то вертепного сценария, независимо от драмы об Ироде. Так это или не так, сказать трудно. Не исключена, впрочем, возможность, что А. Малинке удалось записать драму о царе Ироде в варианте, по составу наиболее близком к архетипу. Отсутствие интермедийных сенок вертепного происхождения во всех остальных известных нам вариантах «Царя Ирода» еще ни о чем не свидетельствует: они могли естественно выпасть, когда «Царя Ирода» присоединяли, как это бывало, к «Царю Максимилиану». Одновременное в ряде случаев исполнение обеих пьес — факт, который вообще многое объясняет нам в литературной судьбе «Царя Ирода». Обе драмы, соединенные в одну сводную пьесу, не могли не оказать известного влияния друг на друга. Во всяком случае примеров прямого воздействия «Царя Максимилиана» на драму о царе Ироде можно указать немало. Сюда относятся сцена торга Ирода со Смертью, несомненно навеянная диалогом Аники-воина и Смерти, диалогом, известным почти всем вариантам «Царя Максимилиана», — появление самого Аники-воина в варианте М. Васильева, «скорохода-фельдмаршала» — в чекуевских вариантах. Воздействием «Царя Максимилиана» объясняется также эпизод, которым заканчиваются варианты М. Васильева и А. Смирницкого и которому мы тщетно стали бы искать параллели в вертепных текстах: «Аника-воин» первого варианта и «Старший воин» — второго, проводив Ирода в ад, решают кончить жизнь самоубийством, но, обдумав, идут служить новому господину, «неверному королю Мамаю»; аналогичную сцену знают некоторые варианты «Царя Максимилиана», именно Е. Р. Романова,² А. И. Мякутина³ и Н. Е. Ончукова:⁴ после смерти короля Мамаю его «пле-

¹ В. И. Резанов. Ibid., стр. 162—164.

² Е. Р. Романов. Белорусский сборник. V. Витебск, 1891, стр. 281.

³ А. И. Мякутин. Песни Оренбургских казаков. IV. СПб., 1910, стр. 302.

⁴ Н. Е. Ончуков. Северные народные драмы. СПб., 1911, стр. 43—44.